

У М · Б Е Р Т О

ПОЛНЫЙ
НАЗАД!

Умберто Эко

Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3938815

*Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ (сборник): Астрель :
CORPUS; М.: 2012
ISBN 978-5-271-42089-4*

Аннотация

Смысл названия: внимание! Мир прогрессирует – и мир движется вспять! «Средневековье возвращается» – так озаглавил Умберто Эко статью в 1994 году. Этот антиутопический образ подхватила пресса всего мира. И третье тысячелетие демонстрирует: время глядит вспять, ибо в развитых обществах мораль не успевает в ногу с прогрессирующей технологией. Война, доказанный абсурд, все еще средство осуществления политики. Ненависть к «другому» – все еще лучший рычаг для сплочения масс. Достижения техники все сильнее способствуют порабощению людей и насаждению невежества. Суеверия, как примитивное объяснение мироустройства, все активнее влияют на попытки истолковать мир. Умберто Эко всемерно противостоит этим тенденциям, создавая романы, смысл

которых – утверждение разумности и нравственности в духе Просвещения. Эко считает своим долгом высказывать то же самое и прямыми словами. Сборник «Полный назад!», составленный из статей и публичных выступлений с 2000 по 2005 год, посвящен анализу современной действительности, ее самых очевидных и потому с трудом поддающихся исправлению зол.

Содержание

Шагая раком	6
I. Война, мир и ни то ни се	17
Несколько соображений о войне и мире[18]	17
От праправойны к «холодной войне»	18
Неовойна в Персидском заливе	19
Неовойна в Косове	29
Афганистан	30
Возможный крестовый поход. Сценарий	38
Всеобщий мир	47
Локальные замирения	51
Любить Америку, но и устраивать марши мира[40]	55
Сценарий для Европы[41]	64
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Умберто Эко

Полный назад! «Горячие войны» и популизм в СМИ

Публикуется по соглашению с литературным агентством ELKOST Intl.;

© RCS Libri S.p.A. – Milano Bompiani 2006–2010

© Е.Костюкович, перевод на русский язык, 2007

© Е.Костюкович, примечания, 2007

© А.Бондаренко, оформление, 2012

© ООО «Издательство Астрель», 2012

Издательство CORPUS ®

Шагая раком

В этой книге собран ряд статей и выступлений, написанных с 2000 по 2005 год. Это особый период. В его начале люди переживали традиционный страх перед сменой тысячелетий. Смена произошла, и грянули 11 сентября, афганская война и иракская война. Ну а в Италии... В Италии это время, вдобавок ко всему, было эпохой правления Берлускони.

Поэтому, оставив за рамками тома прочие высказывания на разнообразные темы, я собрал только те размышления, которые затрагивают политические и медийные события тех шести лет¹. Шаг за шагом я проследил закономерность, описанную в предпоследней из «Картонок Минервы»². Та «Кар-

¹ Эта книга вышла перед парламентскими выборами, которые состоялись 9 апреля 2006 г. и принесли победу левоцентристскому блоку. Правительство Сильвио Берлускони (р. 1936), которое Эко столь живо осмеивал, ушло в отставку. Победе оппозиции способствовали, в частности, высказывания авторитетных представителей итальянской интеллигенции в форме выступлений, статей и отдельных книг, подобных настоящему сборнику. (*Здесь и далее примечания Е. Костюкович. В подборе материала для примечаний участвовала Л. Сумм. Переводы цитат, если в сноске не указано иное, выполнены Е. Костюкович.*)

² Под этим названием на последней странице журнала Эко публикует прежде – еженедельно (1985—1998), а впоследствии – дважды в месяц (с 1998 по настоящее время) заметки о нравах, вопросах культуры и этики, философские зарисовки. Название восходит к уже не существующим спичкам «Минерва», которые наклеивались на широкие полоски картона. На картонках Эко на заседаниях или в поездках составлял конспекты будущих очерков. Сборник этих очерков (Есо U. *La Bustina di Minerva*. Milano: Bompiani, 2000) в русском переводе вышел в

тонка» называлась «Торжество облегченной технологии».³

Это была пародийная рецензия на вымышленную книгу вымышленного Краба Ракоходса (Crabe Backwards. *Pan Galaxy*. Loop Press, 1996). Там я писал, что в последнее время отмечаю немало технологических новшеств, представляющих собой настоящие шаги назад. Так, *тяжелые виды коммуникации* с 70-х годов начали легчать. Вначале преобладающим видом коммуникации был цветной телевизор – здоровый ящик, он загромождал помещение, зловеще пыхал в темноте и урчал на устрашение жильцам других квартир. Первый шаг к *облегченной коммуникации* сделали, когда изобрели дистанционное управление. Можно стало не только по желанию понижать или же вовсе устранять звук, но и убивать цвет и менять канал. Прыгая с дискуссии на дискуссию, глядя на черно-белый беззвучный экран, телезритель получает новую творческую свободу: начинается жизнь под аккомпанемент *заппинга*. Старое телевидение, передавая все в прямом эфире, держало зрителя в рабстве, принуждая к последовательному просмотру передач. Но прямые эфиры теперь почти изжиты, и, значит, телевидение изжило нашу от него зависимость, а видеомагнитофон не только преобразует телевидение в кино, но и позволяет отматывать записи, выводя нас из пассивности и подчиненности.

2007 г. в издательстве «Симпозиум» под названием «Картонки Минервы. Заметки на спичечных коробках».

³ Eco U. *Il trionfo della tecnologia leggera // La Bustina di Minerva*. Milano: Bompiani, 2000. P. 329.

На этой стадии, думаю, можно вообще убрать из ТВ звук. Крутить смонтированные картинки под звуковую дорожку пианолы, синтезируя музыку на компьютере. А учитывая, что телевидение часто пускает бегущую строку для слабослышащих, ждать осталось недолго – скоро появятся программы, где будут показывать целующуюся пару с титром понижу экрана: «У нас любовь». Таким образом облегченная технология приведет к реизобретению немого кино Люмьеров.

Уже совершен следующий шаг – к обездвижению изображений. Когда родился интернет, пользователи стали получать неподвижные картинки низкого разрешения, часто вдобавок – черно-белые, без звука, звук оказался лишним: вся информация выводилась на экран в текстовом виде.

Следующей стадией этого триумфального возврата в Гутенбергову галактику⁴, говорил я, будет, конечно, исчезновение картинок. Изобретут коробочку, умеющую ловить и передавать одни лишь звуки, не требующую дистанционно-

⁴ Гутенбергова галактика – терм ин, введенный канадским философом и теоретиком коммуникаций Гербертом Маршаллом Маклюэном (1911—1980), автором книги «Гутенбергова галактика. Появление человека типографского» (*The Gutenberg Galaxy: the Making of Typographic Man*, 1962), наряду с термином Global Village – «глобальная деревня». Гутенберговой галактикой Маклюэн назвал первые пять сотен лет печатной техники до 1844 г. – до изобретения телеграфа Морзе. Современная электронная цивилизация получила имя «галактики Маркони». См.: Eco U. *From Internet to Gutenberg*. Лекция в The Italian Academy of Advanced Studies in America, 12 ноября 1996 г. Также: Эко У. *От интернета к Гутенбергу. Текст и гипертекст*. Публичная лекция, МГУ 20 мая 1998 г.

го пульта: можно будет скакать через каналы, регулируя настройку круглой ручкой! Это я так шутил, предлагая изобрести радиоприемник. Теперь я вижу, что пророчествовал и изобретал iPod.

В завершение я писал, что последней стадией явится отказ от передач в эфире, где все время какие-то помехи, – и переход на кабельное телевидение, использующее телефонные и интернетные провода. Тем самым, говорил я, беспроводная передача звуков сменится проводочной передачей знаков – так мы, допятившись до Маркони, отодвинемся к Меуччи.⁵

Я шутил, но идеи осуществились. Что мы прогрессируем вспять, стало понятно уже после падения Берлинской стены, когда поменялась политическая география Азии и Европы. Издатели атласов сдали в макулатуру запасы со складов: с карт мира исчезли Советский Союз, Югославия, Восточная Германия и подобные чудища. Карты стали стилизоваться под 1914 г., на них вернулись Сербия, Черногория, балтийские государства.

Прогресс навыворот, надо сказать, здесь не кончается. В третьем тысячелетии мы начали вытанцовывать еще боль-

⁵ Гульельмо *Маркони* (1874—1937) – итальянский инженер и предприниматель, считающийся в Италии изобретателем радиоприемника (1898). *Антонио Меуччи* (1808—1889) – итальянский изобретатель телефона (1857). Из-за неправильного оформления документов утратил право именоваться первооткрывателем, и этим правом пользуется А.Г. Белл, запатентовавший телефон в 1876 г.

ше обратных па. Примеры – пожалуйста. После полувека «холодной войны» мы развязали наконец в Афганистане и в Ираке войну горячую, снова пережили наскоки «коварных афганцев» на перевал Хайбер⁶, возродили средневековые крестовые походы, повторили войны христианства против ислама. Снова завелись смертники-ассасины, муштруемые в укывищах Горным старцем⁷, и загревели фанфары Лепанто⁸, а некоторые новомодные книжонки можно пере-сказать одним истошным воплем «мамочка, ой, турки!». ⁹

Вновь поднял голову христианский фундаментализм, который, как мнилось прежде, опочил с XIX веком, возродилась антидарвинистская полемика, и снова замаячил перед нами (пока что пугая только демографией и экономикой) жупел Желтой Опасности. В наших белых семьях снова трудятся цветные рабы, как в романе «Унесенные ветром», и вар-

⁶ *Хайбер* (Khyber Pass) – перевал стратегической важности на границе Афганистана с Пакистаном, место битвы, где целый британский полк в 1839 г. был уничтожен воинами племени пуштун.

⁷ *Горный старец* или Владыка гор – вождь исмаилитов Хасан ибн Саббах, основатель мистической секты ассасинов (гашишинов, XII в.).

⁸ Морская битва при Лепанто (Греция) 7 октября 1571 г. и победа испано-венецианской коалиции положили конец господству османского флота на Средиземном море.

⁹ Имеется в виду книга итальянской журналистки Орианы Фаллачи (1929—2006), после 11 сентября 2001 г. неистово обрушившей свой гнев на исламскую цивилизацию, «Ярость и гордость» (Fallaci O. *La rabbia e l'orgoglio*. Milano: Rizzoli, 2004. Рус. пер.: М.: «Вагриус», 2004). Книга является образцом политической некорректности, однако получила восторженный прием миллионов читателей в Европе.

варские племена снова идут в переселение, будто в первые века нашей эры. И, как показано в одном из опубликованных здесь очерков, восстанавливаются (по крайней мере, в моей Италии) манеры и обычаи, бытовавшие в Риме периода упадка.

Торжествует, явившись вновь, антисемитизм с его «Протоколами», и у нас сидят в правительстве фашисты (называющие себя «пост...», хотя среди них – те же люди, что звались прямо фашистами). Я гляжу, оторвавшись от верстки этой книги: в телевизоре спортсмен приветствует болельщиков римским, то бишь фашистским, салютом. Точно как я почти семьдесят лет назад, когда был балиллой¹⁰ и меня заставляли. Что говорить о деволуции¹¹, грозящей отбросить Италию в догарибальдийское время.

Снова, как в послекавуровские годы¹², грызутся друг с

¹⁰ *Балилла* (Opera Nazionale Balilla, 1926—1937) – при Муссолини фашистская организация для подростков от 9 до 14 лет.

¹¹ *Деволуция* – термин современной итальянской политики: федерализация страны путем передачи государственных функций регионам. Лозунг автономистской «Лиги Севера» (Lega Nord).

¹² Знаменитый политик граф Камилло Бенсо Кавур (1810—1861) сыграл определяющую роль в ходе двух войн за независимость, которые привели к объединению Италии (17 марта 1861 г.) и к провозглашению Итальянского королевства под управлением Виктора-Эммануила II. Во время Третьей войны за независимость (1866) и завоевания Папского Рима (1870) Кавура уже не было в живых. Папское государство было объявлено несуществующим; в этот «посткавуровский» период молодому итальянскому государству пришлось решать особенно болезненные вопросы взаимоотношений с католической церковью, которая противилась присоединению Рима к Италии. Папское государство (в пределах

другом церковь и государство. В довершение дежавю возрождаются вымершие, как это представлялось (ошибка!) христианские демократы.¹³

Будто история, устав от поступательности двух тысячелетий, свертывается змеей и задремывает в блаженном уюте Традиции.

В очерках, вошедших в эту книгу, разобраны разные случаи отката в историческое прошлое. Их достаточно, чтобы обосновать выбранное название.

Однако, безусловно, в ситуации прослеживается и нечто очень новое, по крайней мере – для нашей страны. Кое-что до сих пор места не имевшее. Я имею в виду правительство, основанное на популистской демагогии, усиленной беспрецедентно сгруппированными в одних руках средствами массовой информации, правительство, созданное одной-единственной частной компанией, заботящейся о собственных

Ватикана) было воссоздано только при фашизме, которому католическая церковь предоставила одобрение и поддержку, в награду за что Муссолини подписал Латеранские соглашения (1929), придавшие Ватикану статус отдельного государства.

¹³ Христианско-демократическая партия Италии (*Democrazia Cristiana*), основанная в 1942 г. Альчиде Де Гаспери, была распущена 18 января 1994 г. после волны скандалов и судебных процессов, получивших название «Чистые руки» (*Mani pulite*), когда под судом оказались виднейшие представители этой партии и сформированного из нее правительства. Из обломков «христианской демократии» родились три партии различных направлений: левого, правого и центристского. Говоря о дежавю, Эко имеет в виду, что в 2000 г. ядро партии под руководством Фламинио Пикколи восстановилось под традиционным именем Христианско-демократической партии (*Partito Democratico Cristiano*).

приватных интересах. Незнакомый до сих пор новый вариант, по крайней мере в европейской политике. Эта новая сила коварнее и технически оснащенной, нежели любая из популистских элит и диктатур третьего мира.

Многие очерки посвящены именно этой проблеме. Они продиктованы беспокойством и возмущением пред лицом Нахрапистой Нови, которую (по крайней мере в день написания этих строк) неясно еще, удастся ли обуздать.¹⁴

Второй раздел сборника посвящен популистскому деспотизму (*regime*) в средствах массовой информации, и я без всяких колебаний употребляю это слово примерно в том же значении, которое имели в виду средневековые мыслители (никак не коммунисты!), писавшие *de regimine principum*.¹⁵

Кстати о «деспотизме», и вообще довольно кстати, я открываю второй раздел воззванием, которое опубликовал перед выборами 2001 года, – его поносили, как мало что на этом свете. Один знаменитый журналист из правых, который, однако, почему-то меня любит, горько сетовал, как это

¹⁴ Прошедшие 9 апреля 2006 г. парламентские выборы принесли победу анти-берлускониевской коалиции левоцентристских партий. Победа досталась крайне незначительным перевесом голосов, что дополнительно накалило конфликтную атмосферу в итальянской политике последних лет.

¹⁵ «О правлении государей» (*лат.*). Название нескольких средневековых сочинений (Фома Аквинского, Эгидия Римского, оба – XIII в.) об уместности и необходимости абсолютных монархий. Идея восходит к трактату Аристотеля «О политике».

«хороший человек» (это обо мне), может презирать мнение половины граждан Италии (то есть зачем я третирую тех, кто голосует не так, как я).

А недавно меня раскритиковали уже не из чужого лагеря, а из собственного, за высокомерие и малосимпатичную манеру держаться, которая-де свойственна нашим диссидентствующим интеллектуалам.

Я так часто огорчался, слыша о себе, будто я стараюсь быть симпатичным любой ценой и со всеми на свете, что обрадовался определению «малосимпатичный» и даже преисполнился гордости.

Однако диву даюсь, при чем тут высокомерие. Это как если бы в свое время (*si parva licet componere magnis*¹⁶) братьям Росселли, супругам Гобетти и таким диссидентам, как Сальвемини и Грамши, не говоря уж о Маттеотти¹⁷, поставили на

¹⁶ Коль великое сравнивать с малым (*лат.*). Вергилий. *Георгики*. iv, 176. Пер.С. Шервинского.

¹⁷ Карло (1899—1937) и Нелло *Росселли* (1900—1937) – итальянские последователи Г. Сальвемини (см. ниже), выпускавшие подпольную антифашистскую газету «Нон молларе» и открывшие закулисную сторону убийства Маттеотти (см. ниже), были убиты во Франции по приказу Муссолини. Пьеро *Гобетти* (1901—1926) – итальянский мыслитель-либерал, основатель журнала «Революционе либерале». Преследуемый фашистами, эмигрировал с женой Адой в 1926 г. и умер во Франции. Гаэтано *Сальвемини* (1873—1957) – итальянский историк, основоположник социалистической философской мысли, настаивал на необходимости аграрных реформ в целях модернизации экономики Юга Италии. Антонио *Грамши* (1891—1937) – один из основателей итальянской компартии, однако, в отличие от Пальмиро Тольятти, не был настроен ни просталински, ни просоветски. Автор знаменитых философских записей «Тюремные тетради» (1928).

вид, что они не хотят войти в положение фашистов.

Если кто-то бьется за политические изменения (а в данном случае я бьюсь за изменения политические, гражданские и моральные), то, не отменяя неперемennого права-обязанности интеллигента быть готовым к пересмотру своих позиций, этот бьющийся в момент действия все же должен быть убежден, что стоит за справедливое дело, и должен энергично клеймить ошибочную позицию тех, кто ведет себя иначе. Не могу себе представить, как можно строить предвыборную кампанию на лозунгах вроде «ваша позиция сильнее нашей, но мы вас просим голосовать за нашу, за слабую». В ходе предвыборной кампании критиковать противника надо жестко, безжалостно, так, чтобы перетянуть на свою сторону если не оппонентов, то хотя бы колеблющихся.

Вдобавок часто та критика, которая звучит малосимпатично, является критикой нравов. А критик нравов (порою в чужих пороках клеймя свои собственные или свои склонности к оным) должен быть бичевателем. Снова сошлюсь на классика: критикуя нравы – будь Горацием, пиши сатиры; а если ты скорее Вергилий – тогда пиши поэмы, самые пре-

Джакомо *Маттеотти* (1885—1924) – итальянский депутат-социалист, 30 мая 1924 г. произнесший в парламенте речь, оспаривавшую легитимность имевших место за месяц до этого выборов, в результате которых пришел к власти Бенито Муссолини. «Я свою речь произнес. Теперь готовьте похоронную речь по мне», – сказал он друзьям. Через десять дней Маттеотти был похищен и зверски убит. Когда нашли его труп, разразился политический кризис, угрожавший самому существованию режима. Произнося речь в парламенте 3 декабря 1925 г., Муссолини открыто взял на себя ответственность за преступление.

красные поэмы на свете, но воспевая начальников.

Времена плохие, нравы у нас развратные, и даже сама по себе работа критиков (та, которой удастся протиснуться через цензуру) выставляется пред народом на поругание.

Что ж, тогда я сознательно опубликую эти очерки под знаком конструктивной малосимпатичности, выберу ее как флаг.

Все заметки печатались прежде (источники приводятся), однако многие тексты для этого издания переработаны. Не для того, конечно, чтобы подновлять и вписывать в опубликованные очерки задним числом пророчества, а чтоб поубиравать повторы (поскольку иногда в запале невольно возвращаешься к навязчивым темам), отредактировать слог, иногда – вычеркнуть отсылки к тому сиюминутному, что сразу забывается читателями и становится малопонятным.

I. Война, мир и ни то ни се

Несколько соображений о войне и мире¹⁸

В начале 1960-х годов я был соучредителем итальянско-го Комитета за ядерное разоружение и участником нескольких маршей за мир. Прошу иметь это в виду. Добавлю, что всю жизнь я был пацифистом (остаюсь им и ныне). При всем при том уведомляю вас, что я намерен в этой книге ругать не только войну, но и мир. Прошу вас набраться терпения и послушать, за что ругаем.

О каждой новой войне, начиная с войны в Персидском заливе, я написал по очерку и только после этого понял, что от войны к войне переменял самую суть своего представления о войнах. Похоже, что понятие о войне, пребывавшее более или менее постоянным со времен древних греков до нашего времени (независимо от развития боевой техники), за последнее десятилетие переменяло свою суть по меньшей мере три раза.

Я буду повторять отрывки из статьи «Осмысляя войну»,

¹⁸ *Alcune riflessioni sulla guerra e sulla pace.* Выступление в Милане в Обществе св. Эджидио, июль 2002 г.

опубликованной в сборнике «Пять эссе на темы этики»¹⁹. В статье речь идет о первой войне в Заливе. Старые мысли обретают новое измерение.

От праправойны к «холодной войне»

К чему сводился во все века смысл тех войн, которые мы будем именовать праправойнами? Война должна была приводить к победе над противником так, чтобы его поражение давало выгоду победителю. Враждующие развивали свои стратегии, захватывая врасплох противников и мешая противникам развивать их собственные стратегии. Каждая сторона соглашалась нести урон – в смысле терять людей убитыми, – только бы противник, теряя людей убитыми, нес еще больший урон. Ради этого прилагались все возможные усилия. В игре принимали участие две стороны. Нейтралитет прочих сторон плюс условие, что нейтральные стороны не понесут от войны урона, а, напротив, даже получают частичную выгоду, были обязательны для свободы маневра воюющих. Да, вот еще. Я забыл назвать последнее условие. Полагалось понимать, кто твой враг и где он находится. Поэтому, как правило, конфликты выстраивались по принципу фронтальности и охватывали две (или более) опознаваемые территории.

¹⁹ Eco U. *Cinque scritti morali*. Milano: Bompiani, 1997. Рус. пер.: Эко У. *Пять эссе на темы этики*. Corpus, 2012.

В наш век идея «мировой войны», способной затрагивать даже общества без истории – такие, как племена Полинезии, – дала тот результат, что невозможно стало отграничивать нейтральные стороны от воюющих. А поскольку существуют и атомные бомбы, то кто бы ни участвовал в конфликте, в результате пострадает вся наша планета.

По этим причинам праправойна переродилась в неовойну, перед тем пройдя через стадию «холодной войны». «Холодная война» создавала напряжение мирной воинственности (воинственного мира). Это равновесие, опирающееся на страх, гарантировало определенную стабильность в центре системы. Система позволяла и даже поощряла маргинальные праправойны (Вьетнам, Ближний Восток, Африка и пр.). «Холодная война», в сущности, обеспечивала мир первому и второму миру ценой некоторых сезонных или эндемических войн в третьем мире.

Неовойна в Персидском заливе

С распадом советской империи исчезли основания для «холодной войны», но обрели видимость никогда не прекращавшиеся войны третьего мира. Захват Кувейта был призван продемонстрировать, что просто необходимо прибегать на определенном этапе к традиционной войне (как многие помнят, тогда даже аргументировали эту необходимость примером Второй мировой войны, что, дескать, если бы Гит-

лера остановили вовремя, не отдали бы ему Польши, мирового конфликта бы не было). Но вскоре обнаружилось, что война идет уже не только между двумя главными сторонами. Обнаружилось, что произвол в отношении американских журналистов в Багдаде бледнеет по сравнению с произволом в отношении многих миллионов проиракски настроенных мусульман, проживающих в странах антииракской коалиции.

В войнах старого времени потенциальных неприятелей обычно интернировали (или убивали). Свой соотечественник, который с вражеской территории пособничал врагу, в конце войны попадал на виселицу. Мы помним, как англичане повесили Джона Эмери, который выступал против родной страны по фашистскому радио, и что Эзру Паунда только всемирная известность и заступничество интеллигенции всей планеты спасли от казни – его не уничтожили, а объявили сумасшедшим.

В чем же было новаторство неовойны?

В неовойне трудно понять, кто является врагом. Все иракцы? Все сербы? Кого убиваем?

Неовойна не фронтальна. Неовойна уже не могла структурироваться фронтально в силу самой природы надгосударственного капитализма. Ираку поставляли оружие западные заводы – вовсе не по оплошности; и не по оплошности через десять лет после Ирака западная промышленность снабжала оружием талибов. К тому подводила логика развитого ка-

питализма: ситуация уже не поддавалась контролю отдельных государств. Хочу напомнить один эпизод, вроде неважный, но характерный. Внезапно открылось, что наши западные военные самолеты долго кидали бомбы на танковую или летную базу Саддама Хуссейна и стерли эту базу в порошок, после чего выяснилось, что это не база, а отвлекающий макет военного объекта и что произвели его и продали Саддаму, по закону оформив этот контракт, итальянские предприниматели.

На праправойнах наживались военные заводы участвующих в конфронтации стран. А на неовойнах наживаются межнациональные корпорации, у которых интересы и по ту и по другую сторону баррикад (если, конечно, баррикады как-то можно разглядеть). Но разница еще отчетливее. На праправойнах жирели производители пушек, и их сверхприбыли перекрывали ущерб от временного прекращения торговых обменов. А неовойна, хотя производители пушек на ней точно так же жиреют, доводит до кризиса (в масштабах всей планеты!) индустрию авиатранспорта, развлечений, туризма и средств массовой информации: они теряют коммерческую рекламу, – и вообще подрывает индустрию излишеств, двигатель прогресса, от недвижимости до автомобилей. Во время неовойны одни виды экономической власти приходят в противоречие с другими видами, и логика их конфликтов оказывается мощнее логики национальных государств.

Именно по этой причине, говорил я, неовойна в принципе

не может быть долгой, потому что она в затяжном варианте вредна всем сторонам и не полезна ни одной.

Но не одна только логика межнациональных промышленных корпораций при неовойне оказалась существеннее, чем логика государств. Столь же приоритетными оказались потребности массовой информации с ее специфической новой логикой. Во время войны в Заливе впервые сложилась ситуация, ставшая типичной: западные массмедиа сделались рупором антивоенной пропаганды, исходившей не только от западных пацифистов, возглавляемых Римским Папой, но и от послов и журналистов из арабских государств, симпатизирующих Саддаму.

Средства информации регулярно предоставляли микрофоны противникам (в то время как, по идее, цель любой и всяческой политики военного времени – пресекать вражескую пропаганду). Слушая противника, граждане воюющих стран становились менее лояльны к своим правительствам (в то время как Клаузевиц²⁰ учил, что условие победы – моральное единство воюющих).

Во всех былых войнах население, веря в цель войны, мечтало уничтожить противника. Ныне же, напротив, информация не только подрывает веру населения в цель войны, но и вызывает сострадание к гибнущему неприятелю. Смерть

²⁰ Карл Филипп Готлиб фон *Клаузевиц* (1780—1831) – прусский генерал, военный историк и теоретик военного дела. В трактате «О войне» выдвинул концепцию тотальной войны.

врагов из далекого неявного события превращается в непереносимо наглядное зрелище. Война в Персидском заливе стала первой в истории человечества войной, в ходе которой население воюющей страны жалело своих врагов.

(Нечто подобное намечалось уже во времена Вьетнама, но тогда мнения высказывались в особых, отведенных для этого местах, преимущественно периферийных, и высказывались они в Америке исключительно группами радикалов. Во времена Вьетнама посол хошиминского правительства или пресс-атташе генерала Во Нгуен Зиапа²¹ не имели возможности разглагольствовать по Би-би-си. Тогда американские журналисты не передавали репортажи в прямом эфире из ханойского отеля. А Питер Арнетт²² в иракскую войну вещал прямо из гостиницы в Багдаде.)

Информация допускает врага в чужие тылы. Именно во время войны в Заливе мир осознал: у каждого в тылу присутствует враг. Даже если заглушить всю массовую информацию, новые технологии связи не заглушишь. Никакому диктатору не под силу остановить мировой поток коммуни-

²¹ Генерал *Во Нгуен Зиан* (р. 1911/12) – вьетнамский военачальник и политический деятель, главнокомандующий вооруженными силами Северного Вьетнама.

²² Питер *Арнетт* (р. 1935) – американский военный журналист, лауреат Пулитцеровской премии за освещение войны во Вьетнаме, работавший в 2003 г. корреспондентом Эн-би-си в Багдаде и уволенный в марте того же года за высказывание в эфире иракского телевидения своей оценки военной стратегии США: «Военный план американцев провалился». В тот же день Арнетт был принят на работу британской газетой *Daily Mirror*.

кации, он распространяется по таким технологическим мини-инфраструктурам, без которых и сам диктатор как без рук. Поток коммуникации выполняет ту же функцию, которую при традиционных войнах выполняли секретные службы: нейтрализует расчет на упреждение. А что это за война, в которой противника невозможно упредить? Неовойна узаконивает всех Мата Хари и допускает братание с врагом.

За столом во времена неовойн столько мощных игроков, что игра идет по правилам «все против всех». Неовойна – не из тех процессов, где имеют значение расчеты и намерения игроков. Из-за количества факторов мощи (начиналась эпоха глобализации) война в Персидском заливе приобрела непредсказуемые аспекты. Развязка могла оказаться и приемлемой для какой-то из сторон, но в общем в той войне *проигрывали все*.

Говоря, что конфликт на некоей стадии якобы завершился в пользу одной из сторон, мы исходим из идеи, что конфликт вообще «способен завершиться». Но ведь завершение было бы возможно, лишь если бы война оставалась, по Клаузевицу, продолжением политики иными средствами: то есть война кончалась бы, когда бы достигалось желаемое равновесие и можно было бы возвращаться просто к политике. Однако две большие мировые войны XX века продемонстрировали, что политика послевоенного периода всегда и повсеместно – это продолжение (любыми средствами) процессов, начатых войной. Чем бы ни завершались войны, они приведут ко все-

объемлющим перетряскам, которые в принципе не смогут удовлетворить всех воевавших. Так что любая война продолжится в форме тревожной политической и экономической нестабильности еще сколько-то десятилетий, не обеспечив никакой другой политики, кроме политики *воинствующей*.

С другой стороны, а когда бывало иначе? Допускать, будто войны античности приводили к разумным результатам (то есть к конечной устойчивости) – значит верить вслед за Гегелем, будто история имеет направление. Ни из данных истории, ни из простой логики не следует, будто порядок в Средиземноморье после Пунических войн или в Европе после Наполеона стал устойчивее. Этот порядок вполне может рассматриваться как неустойчивый, который бы мог быть гораздо устойчивее, не расшатан войной. Что с того, что человечество десятки тысяч лет использует войну как панацею от неустойчивых геополитических состояний? Те же десятки тысяч лет человечество применяет как панацею от депрессии наркотики и спиртное.

События показали, что мои тогдашние размышления не были досужими. Посмотрим, что произошло после войны в Заливе. Силы западного мира освободили Кувейт, но вслед за этим остановились, поскольку не могли себе позволить дойти до полного уничтожения противника. Равновесие, сложившееся после этого, не так уж отличалось от ситуации, возбудившей весь конфликт. Оставалась прежняя проблема: ликвидировать Саддама Хусейна.

Дело в том, что неовойна в Заливе вывела на передний план вопрос абсолютно новый, не свойственный не только логике, не только динамике, но и самой психологии праправойн. Нормальной целью праправойн являлось уничтожение как можно большего числа врагов – при согласии, чтобы расстались с жизнью также довольно многие из своих. Великие полководцы былых времен ночами после битв выходили на поля сражений, усеянные мертвыми костями, и ни капельки не удивлялись, что половина павших были их собственными солдатами. Смерть собственных воинов отмечалась наградами и трогательными церемониями, создавался культ славы павших героев. Смерть противников воспринималась как праздник. Гражданское население у себя в домах должно было ликовать и упиваться известиями о каждом убитом вражеском солдате.

Во время войны в Заливе оформились два новых принципа: (i) недопустима смерть ни одного из наших и (ii) желательно уничтожать как можно меньше врагов²³. Насчет уничтожения врагов, мы помним, имело место порядочное жеманство и даже лицемерие, поскольку в пустыне все-таки иракцы гибли в гигантском количестве, но уж и то, что их не

²³ Эко явно цитирует положения Жана Бодрийяра (см. ниже), в данном случае – из эссе «Под маской войны» (*Le masque de la guerre*. Libération, 10 марта 2003 г.): «Отмена “Зла” в любых формах, отмена противника, которого, в сущности, больше не существует (ведь его просто стирают с лица земли), отмена смерти. “Нулевые потери” – вот главный лозунг всемирной службы безопасности». («Отечественные записки», 2003, № 6. Пер. В. Мильчиной.)

показывали с торжеством и радостью, само по себе примечательно. Так или иначе, для неовойн стало характерно стараться не истреблять население, ну разве что по случайности, ибо если наубивать чересчур много штатских, нарвешься на неодобрение международных СМИ.

Отсюда идея «умных бомб» и ликование по их поводу. Молодежи подобная гуманитарная чувствительность, вероятно, кажется естественной: молодежь воспитана пятью десятилетиями мира, спасибо «холодной войне». Но вообразите себе подобные сантименты во времена, когда «Фау-1» лупили по Лондону, а бомбардировка союзников ровняла с землей город Дрезден.²⁴

Что до гибели своих солдат, война в Персидском заливе была первым конфликтом, в котором стала казаться неприемлемой потеря даже одного военнослужащего. Отныне воюющая страна уже не разделяла праправоенную логику, а именно: сыны отечества готовы лечь костями за правое дело. Куда там. Когда был сбит один-единственный западный военный самолет, это восприняли как трагедию. На экранах телевидения показывали пленных, которые, чтобы спасти жизнь, озвучивали пропагандистские лозунги врага. Их показывали с симпатией. Бедняжки, их заставили силой. За-

²⁴ «Фау» (от нем. Vergeltungswaffe, «оружие возмездия») – управляемое ракетное оружие дальнего действия. С 13 июня 1944 г. Лондон бомбили крылатыми ракетами «Фау-1», с 8 сентября 1944 г. – баллистическими ракетами «Фау-2». Англичане ответили бомбардировкой немецких городов и в феврале 1945 г. практически уничтожили Дрезден.

былось священное правило, что пленный патриот молчит и под пыткой.

По логике праправойны их должны были бы предать публичному поруганию или как минимум утаить жалкий инцидент! Но нет, напротив, все старались войти в их положение, им выказывали солидарность, они получали ну если не военные награды, то горячее поощрение массмедиа за то, что правдами и неправдами сумели найти способ сохранить себя.

Короче говоря, неовойна преобразовалась в шедевр массмедийности, и в конце концов Бодрийяр, любитель парадоксов, заявил, что войн вовсе не было наяву, они были только в телевизоре.²⁵

Массмедиа продают, по определению, счастье, а не печаль. Массмедиа обязаны вводить в логику войны принцип максимальной счастливости или хотя бы минимальной несчастья. По этой логике, война, не связанная с несчастьем и соблюдающая принцип максимальной счастливости, должна быть короткой. В силу этой логики массмедиа была короткой и война в Персидском заливе.

Но она была такой короткой, что оказалась по суще-

²⁵ Жан Бодрийяр (1929—2007) — французский культуролог, философ, политолог и социолог, постмодернист и постструктуралист. В его эссе «Некроспектива» по поводу войн, потрясших XX век, говорится: «В конце концов мы логично задаем себе потрясающий вопрос: “А вообще, было ли все это на самом деле?”» (Бодрийяр Ж. *Прозрачность зла*. М.: Добросвет, 2000. С. 136. Пер. Л. Любарской, Е. Марковской).

ству бесполезной. До того бесполезной, что неоконсерваторы снова насели на Клинтона, а потом на Буша, чтобы Америка продолжала травить Хуссейна. Неовойна дала результат, обратный ожидавшемуся.

Неовойна в Косове

Все характеристики неовойны, наметившиеся во времена войны в Персидском заливе, снова проявились в пору косовской войны, вдобавок – в более интенсивном виде.

Не только западные журналисты продолжали транслировать из Багдада, но и Италия, отправляя самолеты бомбить Сербию, в то же время сохраняла дипломатические и торговые отношения с Югославией. Телеканалы стран НАТО аккуратно докладывали сербам, какие натовские самолеты и когда взлетают с военной базы Авиано. Сербские пропагандисты озвучивали позицию своего правительства. Мы видели и слышали их на наших голубых экранах. У нас в доме свободно хозяйничал враг. У них в доме – тоже.

Все мы помним, как сербская журналистка Биляна Срблянович день за днем присылала корреспонденции, клеймившие Милошевича, в итальянскую газету «Република». Как можно бомбить город, обитатели которого направляют нам дружеские письма, полные вражды к их собственному правительству? Конечно, и в Милане в 1944 году было полно антифашистов, ждавших как манны прихода союзников. Это не

помешало союзникам в силу сомнительных военных надобностей зверски разбомбить Милан. Участники миланского Сопротивления не роптали, полагая, что это справедливо. А когда бомбежке подвергся Белград, все возмущались жертвами и все громко сетовали: и Милошевич, и враждебные Милошевичу сербы, и западные граждане, населяющие страны, которые бомбили Белград. Реклама превозносила «умные бомбы», в которых не было ничего умного.

В этой новой неовойне, опять же, умирать не полагалось никому. И уж в любом случае жертв должно было быть меньше, чем в Ираке, поскольку сербы все же белые и европейцы, в точности как и нападавшие. В конце концов пришлось даже оборонять этих сербов от албанцев, хотя конфликт начался с намерения оборонить албанцев от сербов. Конфликт этот конечно же не был фронтальным, в нем противники разъединялись не четкой линией, а многими замысловатыми зигзагами.

Никто не видывал войны, столь нацеленной на максимальную счастливость, минимальную несчастьность. По каковой причине также и этой войне было суждено длиться крайне недолго.

Афганистан

Одиннадцатого сентября общепринятую военную логику снова опрокинули с ног на голову. 11 сентября началась не

афганская война, а конфронтация, длящаяся и сегодня, между западным миром, особенно США, и исламским терроризмом.

Но если 11 сентября все же счесть началом войны, налицо новая стадия неовойны: она характеризуется отменой фронтальности. Даже те, кто представляет себе участников конфликта как с одной стороны «Запад», а с другой «Ислам», понимают, что война идет не между территориями. Часто упоминаемые «государства-изгои»²⁶, если угодно, – перевалочные базы для терроризма, но терроризм не знает ни территорий, ни границ. Терроризм гнездится в самом сердце государств Запада. Вот уж действительно картинка «Где твой враг? А он у тебя в доме».

С той, однако, разницей, что во времена войны в Заливе и войны в Косове тех агентов врага, которые действовали в чужом доме, мы узнавали в лицо (поскольку они выступали по телевизору). А в случае международного терроризма сила врагов в том, что (i) они остаются неопознанными, (ii) наши массмедиа не в состоянии освещать их жизнь, как Питер Арнетт освещал жизнь Багдада под бомбежками западной авиации, и (iii) в рядах потенциальных врагов оказываются не только этнически инородные элементы, затесавшиеся к нам, но и наши соотечественники. Не исключено, что кон-

²⁶ В американском политическом жаргоне «государства-изгои» (*rogue states*, *англ.*) – государства, которые открыто или опосредованно финансируют или поддерживают террористические движения.

верты с сибирской язвой рассылали по почте вовсе не мусульманские камикадзе, а американские сектанты, неонацисты или какие-нибудь еще фанатики особого покроя.

Дальше. Роль средств массовой информации. У СМИ теперь совсем иная роль, нежели та, которую они играли в двух предыдущих неовойнах, где, самое большее, они озвучивали мнение противника.

Всякий террористический акт преследует главную цель: запустить сообщение, сеющее в массах ужас (*terror*) или как минимум беспокойство. Терракт дестабилизирует порядок, даже когда ущерб от теракта не очень страшен, и тем более серьезно он дестабилизирует весь уклад жизни, когда атакуется какой-нибудь важный символ. Какова же была, с этой точки зрения, цель бен Ладена при атаке на башни-близнецы? Развернуть самый величественный спектакль на свете, невиданный даже в фильмах-катастрофах. Наглядно продемонстрировать крах главных символов западной власти. Показать, что эта власть уязвлена в самых сокровенных своих святынях.

И вот, при том, что целью бен Ладена именно как раз и было нанести удар по мировому общественному мнению посредством кошмарной картинки, средства массовой информации стали ему способствовать, и размножали эту картинку, и усиливали ее кошмарность, сообщая о ней, показывая во всей отчаянности работу спасателей, раскопки, изуродованный силуэт Манхэттена. СМИ были принуждены повто-

рять эту серию новостей и картин день за днем, по крайней мере, в течение месяца. Они показывали фото, крутили видеокадры, передавали бесчисленные рассказы свидетелей-очевидцев, снова и снова тыча в глаза всем и каждому изображение этой раны.

Принуждены ли? Трудно ответить. Благодаря этим фото журналы подняли тираж, телеканалы – рейтинг, и зрители просили и требовали одних и тех же сцен, то ли подпитывая свое негодование, то ли теша свой подсознательный садизм. Наверное, иначе и быть не могло. В общем, средства информации выдали Усаме бен Ладену дармовой рекламы на миллиарды долларов. Они каждый день показывали образы, созданные Усамой, и стремились как раз к тому, чего Усама хотел: чтобы все и каждый – без исключения – эти образы увидели. Чтобы западные люди от этих изображений растерялись, а фундаменталисты, сторонники Усамы – загордились.

Тем самым массмедиа, порицая бен Ладена, выступили его надежными союзниками и помогли ему выиграть первый раунд.

В то же время и попытки цензурировать или смягчать коммюнике бен Ладена, которые он рассылал через Аль-Джазиру, на практике потерпели неудачу. Мировая информационная сеть оказалась могущественнее Пентагона и тем самым паки утвердился принцип неовойны: враг говорит с тобой в твоём собственном доме.

В этом случае неовойна опять-таки сталкивала между собой не соперничающие государства, а многие сильные власти, с той разницей, что эти сильные власти в двух предыдущих неовойнах могли работать на сокращение длительности конфликтов, на обретение мира, а на этот третий раз их работа грозила затянуть начавшуюся войну.

Бывший директор ЦРУ не так давно в интервью газете «Республика» обмолвился, что по-хорошему надлежало бы бомбить не афганцев, а офшорные банки Каймановых островов и банки крупных европейских столиц.

За несколько дней до того в телепередаче Бруно Веспы²⁷, после подобного же высказывания (не столь авторитетного, ибо оно исходило не от бывшего директора ЦРУ, а от никому не известного антиглобалиста), Густаво Сельва²⁸ разразился филиппикой, утверждая, что только сумасшедший или провокатор может намекать, будто западные банки якобы подыгрывали исламским террористам. Вот пример, как политик довольно-таки почтенного возраста попросту не способен уяснить глобальную природу неовойны. Однако эту природу превосходно понимают в Вашингтоне. Мы помним, что на более ранней стадии, имевшей место между 11 сентября

²⁷ *Бруно Веспа* (р. 1944) – итальянский телеведущий на первом (государственном) канале. Имеет репутацию конформиста, всегда поддерживающего и оправдывающего правительство.

²⁸ *Густаво Сельва* (р. 1926) – в прошлом журналист итальянского государственного телевидения, ныне сенатор от партии неофашистов («Национального Союза», AN).

и началом афганской операции, Соединенные Штаты планировали развивать этот конфликт средствами крупного шпионажа и поразить терроризм в его финансовое сердце. Но потом потребовалось спешно взбодрить униженное и уязвленное самосознание американцев, а единственным способом спасти лицо было организовать самую настоящую праправойну.

Так афганский конфликт построился по традиционному принципу – территориальной конфронтации, полевой стратегии, традиционной тактики (впору вспомнить баталии XIX века – англичан на перевале Хайбер), – и были возрождены следующие принципы праправойн:

(i) Средствам информации снова запретили подрывать эффективность военных действий, то есть восстановили некое подобие цензуры. Тот факт, что тем временем цепочки глобальной информации работали своим ходом и порою запретные для американских средств сведения озвучивались по арабскому телевидению, доказывает как ясный день, что праправойны действительно неосуществимы в эпоху интернета.

(ii) Поелику неприятель победил в первом раунде, в битве символов, он подлежал физическому уничтожению. При этом следовало хотя бы формально щадить мирное население (то есть опять зазвучали разговоры об «умных бомбах»), хотя не все шло гладко, и когда бои велись не солдатами из западной группировки, а афганцами из Северной коалиции,

то и дело случалась какая-нибудь бойня и приходилось зажимиваться или глядеть в другую сторону.

(iii) Снова сделалась приемлемой гибель собственных солдат. Нации было предложено готовиться к утратам. Буш-второй, уподобляясь Черчиллю в эпоху Второй мировой войны, пообещал всем своим, разумеется, рано или поздно победу, но перед победой пообещал кровь и слезы; в то время как первый Буш, во времена наступления в Персидском заливе, не вел подобных разговоров.

Праправойна в Афганистане, может быть, и решила проблемы, которые ею же самой были поставлены: то есть талибов отстранили от власти – но не решила проблем неовойны третьей стадии, которая, собственно, породила саму ее, праправойну. Если целью афганской войны было уничтожение международного исламского терроризма и подавление его очагов, то яснее ясного, что эти очаги продолжают существовать и действовать по всему миру: сейчас террористы затаились и выбирают, куда им бить в следующий раз. Если целью было уничтожение бен Ладена, совершенно не факт, что эта цель была достигнута. А если даже она и выполнена, запросто может обнаружиться, что бен Ладен, да, харизматичная фигура, но он олицетворял собой отнюдь не весь исламский фундаменталистский терроризм, какой только есть на свете.

Искушенные политики, к примеру Меттерних, понимали, что отправкой Наполеона на Святую Елену бонапартизм не

пресекается, и Меттерних закрепил результаты Ватерлоо решениями Венского конгресса (причем и этого, вынуждены мы добавить в скобках, оказалось недостаточно, как показала история XIX века).

Следовательно, неовойна, начатая 11 сентября, не дала ни победы, ни результата на стадии афганского конфликта. Не могу сказать вам, имел ли возможность Буш действовать иначе и как он должен был бы действовать. Не о том речь. Речь о том, что неовойну в принципе не может выиграть ни один военачальник.

На этом месте мы видим противоречие; противоречие это велико; велика путаница под луной. С одной стороны, отсутствуют все посылки, из которых обычно рождались войны, – поскольку враг совершенно замаскировался. С другой стороны, чтобы продемонстрировать, что врагу нет пощады, мы устраиваем имитации праправойн, которые, однако, могут быть полезны только для сплочения внутреннего единства, чтобы граждане забыли: враг не там, где его закидывают бомбами, – враг у них в доме.

Пред лицом подобной путаницы общественное мнение (рупорами которого стали некоторые политические руководители) подыскивает образ хоть какой-то реально победоносной праправойны. Ее прообразом становятся Крестовые походы – столкновение цивилизаций. Новоявленная битва при Лепанто, бой христиан с басурманами... Ведь удалось же нам выиграть маленькую афганскую войну. Значит, мы

сможем выиграть и глобальную неовойну, и мировую праправойну, наши (белые) победят ненаших (мавров)? Просто комикс какой-то. Однако успех Орианы Фаллачи доказывает, что комиксы приходятся по вкусу многим взрослым.

Поборники крестового похода, скорее всего, не учитывают, что Крестовые походы входят в категорию праправойн, а праправойны неосуществимы при глобализации, глобализация обуславливает неовойну и ее тоже делает бессмысленной.

Возможный крестовый поход. Сценарий

Хорошо. Вообразим сегодня битву христианства против мусульманства. Фронтальную, как в прошлые времена. Но в прошлом у Европы были четкие границы, между христианами и неверными пролегало Средиземное море или высились Пиренеи, отгораживавшие западный отросток континента, занятый арабами. Военные действия подразделялись на две категории: нападение или сдерживание.

К категории нападений относились Крестовые походы, но что вышло из них, знают все. Лишь один раз удалось завоевать земли (и создать франкские королевства на Ближнем Востоке) — это было в первую попытку, в первый поход. Франкские королевства продержались меньше ста лет, и Иерусалим опять отошел к мусульманам. За полтора века состоялось семь Крестовых походов, все они окончились без-

результатно. Лишь одна военная операция прошла успешно. Я имею в виду Реконкисту²⁹ Испании. Но то был не заморский поход, а отечественная война; она не дала урегулирования конфликта двух миров, а только сдвинула границу.

Что же до сдерживания, в этой категории были достигнуты определенные успехи. Христиане остановили турок под Веной³⁰, победили под Лепанто, воздвигли башни на берегах Европы – высматривать пиратов-сарацин, и туркам не удалось завоевать Европу. Но взаимная неприязнь окрепла, конфронтация ужесточилась.

После завершения первой фазы Запад, выждав, пока Восток ослабеет, колонизовал его. Это мероприятие было как раз таки, вне всяких сомнений, успешным, а также долгосрочным, однако к чему оно привело, мы видим ныне. Конфронтация не только не исчезла, она до крайности обострилась.

Если бы теперь кто-то затеял фронтальную войну, что было бы в новой войне такого уж невиданного, по сравнению с кампаниями прошлого? Невиданное – это в основном технический уровень. В эпоху Крестовых походов наступательное и оборонительное оснащение мусульман не сильно от-

²⁹ Арабы вторглись на Пиренейский полуостров в 711 г. Реконкиста – отвоевание Испании христианами – продолжалась почти восемь столетий и закончилась в 1492 г. взятием Гранады.

³⁰ В 1529 и 1683 гг. турки-османы безуспешно осаждали Вену, столицу империи Габсбургов. Неудача 1683 г. ознаменовала начало упадка Османской империи.

личалось от оснащения христианского войска. В распоряжении у тех и у других были мечи и осадные машины. Ныне же у Запада громадный перевес по части военных технологий. Да, разумеется, Пакистан, управляемый фундаменталистами, может применить и атомную бомбу, но самое большее, что им удастся, – это, скажем, размолотить Париж, после чего их собственные ядерные запасы будут ликвидированы. Собыют сирийцы один американский самолет – американцы оснастят другой. Когда американцы собыют сирийский, Сирия срочно купит новый самолет на развитом Западе. Восток превращает в пыль Париж, Запад кидает атомную бомбу на Мекку. Восток рассылает ботулин в почтовых конвертах, Запад поливает ядом всю их аравийскую пустыню – точно так же, как он без всякой войны поливает пестицидами поля на Среднем Западе. Перемерут все верблюды. Все закончится крайне быстро. Возвратимся к каменным палицам, хотя, конечно, они схлопочут от нас посильнее, чем мы от них. Еще одно обстоятельство отличает нынешние войны от давешних. Во времена Крестовых походов ни христиане не нуждались в арабском железе дляковки мечей, ни мусульмане – в христианском железе. А сегодня даже самая передовая технология существует за счет нефти, а нефть-то не у нас, нефть у них. По крайней мере ее значительная часть. Они своими силами, особенно если мы разбомбим их нефтевышки, добыть эту нефть не сумеют. Однако и мы останемся без нефти. Запад, следовательно, будет принужден реструк-

турировать всю свою экономику за счет альтернативных ресурсов. Учитывая, что до нынешних пор мы так и не сумели построить электромобиль, способный ездить со скоростью больше 80 км/ч, и чтобы он не требовал каждый раз целую ночь для подзарядки, – не знаю уж, сколько времени займет реконверсия и поиск альтернативных технологий. Чтоб научиться использовать атомную энергию, двигать ею самолеты и танки, вырабатывать электричество, уже не говоря об опасности этой технологии, придется затратить достаточно много времени.

Интересно к тому же, согласятся ли с такой ситуацией «Семь Сестер»³¹. Я вовсе не удивлюсь, если нефтяные монополии Запада, лишь бы не лишаться своих сверхдоходов, дадут «добро» на исламизацию всей планеты.

Нефть быстро кончится. Но не закончатся вопросы. В добрые прежние века сарадины жили по одну сторону Средиземного моря, а христиане – по другую. Ныне же Европа полна людей, исповедующих ислам, говорящих на наших языках и учащихся в наших школах. Если уже сегодня некоторые из них переходят на сторону фундаменталистов, можно вообразить, что заварится в случае планетарного конфликта. Это будет первая война против неприятеля, не только проживающего в нашем с вами доме, но и получающего

³¹ «Семь Сестер» – созданный в 1928 г. и затем расширенный консорциум основных нефтяных корпораций, контролирующий мировую нефтедобычу и цены на топливо. На сегодняшний день в него входят компании: ExxonMobil, Chevron, Shell, British Petroleum.

по больничному в нашей с вами страховой кассе.

Разумеется, та же проблема встанет и перед исламским миром, у которого внутри размещены филиалы западных фирм и даже есть целые христианские анклавы, например – в Эфиопии.

Поскольку враг по определению коварен и зол, всем проживающим на Востоке христианам грядет амбец. На войне как на войне. Они уже, считай, в братской могиле. Ватикан может начинать производить их всех в святомученики.

А что будем делать мы у себя дома? Когда противостояние примет резко радикальный характер, когда повалятся еще два или три небоскреба или собор Святого Петра? Начнем охоту на мусульман. В духе Варфоломеевской ночи или Сицилийской вечера³². Хватаем всех, у кого усы и загорелое тело, перерезаем глотки. Придется обработать миллионы людей, но этим займется толпа, не обременяя вооруженные силы.

А может, возобладает здравый смысл. И никогошеньки убивать не будут. А что сделают с мусульманами? Даже либеральные американцы в начале Второй мировой войны арестовали и загнали в концлагеря (конечно-конечно, соблюдая гуманитарные церемонии) японцев и итальянцев, живших в их государстве, включая родившихся на американской земле. К чему тогда ненужные нежности. Останется только вы-

³² Сицилийская вечеря началась 30 марта 1282 г.: в результате этой «зачистки» на острове было уничтожено все пришлое французское население.

явить всех, кто, даже не будучи мусульманином, потенциально может омусульманиться. А если попадут в ту же кучу, допустим, христиане-эфиопы – ну что ж поделать. Господь опознает своих³³. Всю эту ораву следует интернировать. Где? Чтобы предоставить всей этой публике лагеря, учитывая переизбыток в Европе приезжих гастарбайтеров, надо изыскать пространство, энергию, организаторов, надсмотрщиков, еду и лекарства, не говоря уж о том, что каждый лагерь моментально превратится в гранату с выдернутой чекой.

Или следует взять их всех вместе. Трудноразрешимо, но не оставлять же на расплод. Брать надо быстро и сразу, единым махом. Посадить на корабли и отправить. Куда отправить, позвольте спросить? Извините, господин Каддафи, извините, господин Мубарак, не могли ли бы вы забрать эти вот три миллиона турок, которых мы тут высылаем из Германии? Можно применить известный метод работорговцев. Лишних просто спустить под воду. Окончательное решение вопроса по гитлеровской схеме. Миллионы трупов засорят собой Средиземноморье. Хотел бы я посмотреть, какое правительство на это решится. Это вам не *desaparecidos*³⁴, такие

³³ «Убивайте всех! Бог опознает своих» – такой совет дал папский легат во время Крестового похода против еретиков-катаров в Лангедоке (1209—1229), когда его спросили, как отличить еретиков от истинных христиан.

³⁴ «Исчезнувшие» (*исп.*). Так при латиноамериканских диктатурах именовались люди, уничтоженные режимом (подобно сталинским «десять лет без права переписки», исчезновение чаще всего подразумевало смерть).

количества даже Гитлер обрабатывал постепенно, порционно.

Возможна альтернатива. Учитывая, что мы совестливые, оставим каждого жить нормальной жизнью у себя дома, но только к каждому приставим соглядатая из госбезопасности. Откуда взять столько соглядатаев? Набрать из гастарбайтеров. А не примерещится ли нам после этого (как это произошло в США, где авиакомпании из экономии нанимали гастарбайтеров на посадочный контроль), что от подобных сотрудников трудно ждать большой идейной лояльности?

Конечно, подобные же рассуждения возникнут и в голове находящегося по другую сторону баррикад мыслящего мусульманина. Никто не гарантирует, что везде и сразу всю власть возьмут фундаменталисты. В мусульманских странах разбушуются гражданские войны, залиют кровью все и вся. Трудно вообразить масштабы мясорубок. Мировые экономические катастрофы отрикошетят и по Востоку, и у них станет еще меньше еды и еще меньше лекарств, нежели у них есть теперь, так что они перемрут как мухи. Но поскольку мы в данный момент договаривались мыслить в терминах открытой конфронтации, давайте переживать не из-за чужих неприятностей, а из-за собственных.

Итак, вернемся на Запад. Внутри нашей западной коалиции обязательно завяжется полемика. Сложатся исламофильские фракции, сплоченные не мусульманской верой,

а ненавистью к войне. Возникнут новые направления мысли, несогласные с западным путем развития. Последователи Ганди объявят бойкот правительствам. Фанатики, подобные сектантам «Ветви Давидовой» из города Уэйко³⁵, развернут террористическую деятельность – не будучи исламскими фундаменталистами – для очищения испорченного Запада. По улицам Европы пойдут процессии отчаянных и отчаявшихся молеельщиков, ожидающих Апокалипсиса.

Да и не только об этих неуравновешенных элементах нам следует беспокоиться. Согласятся ли остальные (уравновешенные) мириться с дефицитом электроэнергии, притом что даже керосиновыми лампами из-за нехватки горючего обойтись вряд ли получится? Согласятся ли они с отключением средств вещания – не больше часа телевидения в сутки? Покорно пересядут с автомобиля на велосипед? Откажутся от кино и от дискотек? Станут в очередь в «Макдональдсах» за пайком – ломтем грубого хлеба и листиком салата? Коротко говоря – смирятся ли массы с окончанием экономического благоденствия, роскоши и изобилия?

Совсем уж по чести говоря, афганцу или палестинскому

³⁵ Уэйко – городок в Техасе, рядом с которым располагалась штаб-квартира секты «Ветви Давидовой». Ее глава Давид Кореш провозглашал себя новым мессией. Его обвиняли в полигамии и насилии над детьми, подозревалось также незаконное хранение и изготовление оружия. Осаду укрепленного ранчо Кореша в 1993 г. вели силы Бюро по контролю за алкоголем, табаком и оружием, а затем – ФБР. 19 апреля во время боя вспыхнул пожар, унесший жизни около восьмидесяти последователей Кореша, в том числе двадцати детей.

беженцу что военная экономика, что мирная – приблизительно одинаково. А вот нашему с вами сородичу? Представляете, какая депрессия, какая коллективная демотивация разовьется в западном обществе?

Продолжат ли отождествлять себя с Западом чернокожие Гарлема, беднота Бронкса, чиканос Калифорнии?

Как, наконец, проявят себя латиноамериканцы, многие из которых, не будучи мусульманами, накопили столько завистливой злобы на грингос, что, когда были взорваны башни Торгового центра, в Южной Америке злорадно шипели: «Так этим грингос и надо»?

При планетарной войне, скорее всего, и ислам представит не совсем монолитным, но уж христианство-то продемонстрирует крайнюю степень разброда и истеричности. Мало кто запишется в новые тамплиеры, в западные камикадзе.

Это был фантастический сценарий – надеюсь не увидеть, как он осуществляется. Однако обрисовать подобную перспективу необходимо, чтобы стало ясно: начини сценарий сбываться, победа не светит никому. Следовательно, даже преобразуясь в планетарную праправойну, неовойна третьей стадии не приведет ни к какому результату, кроме неудержимого расползания по лику земли удручающего пейзажа из «Конана-Варвара».

Это значит, что в глобальную эпоху глобальная война теоретически невозможна, поскольку она оканчивается поражением всех.

Всеобщий мир

Рассуждая о неовойне в Персидском заливе, я делал вывод, что война в нашу эпоху невыполнима, а этот вывод подводил меня к убеждению, что следует объявить тотальное табу на войну. Однако сегодня, после опыта новых неовойн, я понимаю, что, увы, витал в облаках прекраснодушия. Ныне я уверен, что, поскольку в неовойнах не бывает побежденных и победителей, а праправойны ничего не меняют, кроме настроения тех, кто взял верх, да и то ненадолго, перманентным состоянием мира должна стать затяжная неовойна, с множественными периферийными праправойнами, то вспыхивающими, то затухающими.

Полагаю, этот новый вывод никому не понравится, потому что все мы преданы идеалу мира. Давешняя моя идея, что когда люди поймут, до чего бесполезны неовойны, они серьезно отнесутся к строительству всеобщего Мира, была прекрасна. Но, увы, нереалистична: неовойна подводит к переосмыслению понятия Мира.

Когда говорят о мире, когда добиваются мира, имеют в виду (применительно к собственному горизонту) мир всеобщий, тотальный. Мы не зовем миром замирение для некоторых, для немногих. При таких взглядах прямая дорога в Швейцарию или какой-нибудь монастырь, где и принято было спасаться в темные времена, когда кругом полыхали

сплошные войны. Так что или рассуждаем о мире в планетарном, глобальном масштабе, или нечего о нем рассуждать.

Мир обычно мыслится не только тотальным, но еще и истонным. Символ мира – Эдем, золотой век. Принято думать, что мир – возвращение к первоначальному состоянию человечества. В картину иногда включают даже примирение между человеческим родом и животными. Эта первоначальная гармония, как принято думать, некогда разрушилась по вине насилия и злобы. Странно, что все забыли: по вопросу о золотом веке уже Гераклит³⁶ проявлял необыкновенную ясность ума, возразив, что если все течет, борьба – это правило сущего, война – породительница и госпожа всех вещей. За Гераклитом пришли и Гоббс с его *homo homini lupus*³⁷, и Дарвин с борьбой за существование (основанной на выживании самых приспособленных).

Попробуем теперь принять за данность, что кривая энтропии строится как функция конфликтов, разрушений, смерти и что островки мира, то, что Пригожий³⁸ именовал «дис-

³⁶ Гераклит Эфесский (кон. VI – нач. V вв. до н. э.) – древнегреческий философ, представитель ионийской школы. «Должно знать, что война общепринята, что вражда – обычный порядок вещей и что все возникает через вражду» (*Ориген против Кельса // Фрагменты ранних греческих философов*. М.: Наука, 1989 – Фрагмент 20 [80 DK], VI, 42); «Война – отец всех, царь всех» (Ипполит. Опровержение всех ересей // Там же. 29 [53 DK], IX, 94).

³⁷ Человек человеку волк (*лат.*).

³⁸ Илья Пригожий (1917–2003) – бельгийский физик русского происхождения. Получил Нобелевскую премию за разработку теории нелинейной термодинамики и хаоса. Применение его теорий к социальным наукам привело к возник-

сипативными структурами», – мелкие хорошенькие пузырьки на общей кривой энтропии, – это исключения из общего правила войны, и пузырьки эти тратят множество энергии, чтобы уцелеть и не лопнуть.

Переходя от научности к метафорике (ибо науки о мире не существует, или, во всяком случае, мне она неведома), я сказал бы, что мир – это не то состояние, которое прежде было даровано, потом утрачено, а ныне снова поддается реконструкции. Мир – трудоемкое завоевание, отвоеванные пяди земли в траншейной войне. Мир добывается ценой множества, множества человеческих жизней.

Великие мирные государства, известные в истории, охватывавшие широкие территории, такие как *Pax Romana* или, уже на нашей памяти, *Pax Americana* или *Pax Sovietica* (семьдесят лет подряд содержавшая в мире крупные пространства, теперь охваченные войной и междоусобицами), такие как массивный, теперь уже доброй памяти мир первого мира, звавшийся «холодной войной», который теперь все, потерявши, оплакивают, и Османская империя, и Китайский мир – эти державы были результатами постоянной военной напряженности, что и позволяло поддерживать порядок, гасить конфликтность в центре ценой многих мелких периферийных праправойн. Крупные мирные державы были военными державами.

Такое положение вещей может, думаю, нравиться тем, кто

в центре системы, но не тем, кто находится на краях и терпит праправойны, нужные системе для стабильности. Грубо говоря, мирное существование всегда мирно для нас, но никогда не мирно для других. Дайте мне хоть один пример конкретного мира за несколько последних тысячелетий, не основанного на этом вышеприведенном не то чтобы золотом – железном правиле. Самое ценное в идеях антиглобалистов – это как раз посылка, что удобства мирной глобализации оплачиваются неудобствами всех живущих на перифериях экономических систем.

Изменится ли это правило поддержания мира с началом эры неовойн? Навряд ли. Навряд ли оно изменится, потому что, суммируя все мною сказанное, при переходе от праправойн к неовойнам (третьей стадии) изменения состояли в следующем:

(i) Праправойны создавали положение временной двусторонней нестабильности, затрагивавшей двух участников конфликта, без нарушения общего равновесия на нейтральной периферии.

(ii) «Холодная война» создала вынужденную и замороженную стабильность в центральных частях первых двух миров ценой многих временных нестабильностей на перифериях: периферии сотряслись множественными мелкими праправойнами.

(iii) Неовойна (третья стадия) обещает постоянную нестабильность даже и в центрах. Центры становятся территори-

ей ежедневного беспокойства, ареной постоянных террористических атак. Эта нестабильность будет сдерживаться перманентным кровопусканием на перифериях и большим количеством праправойн, среди которых Афганистан – только первый пример из многих.

Приходим к выводу, что наше положение стало значительно хуже, ибо рассеялась даже иллюзия, создававшаяся «холодной войной», будто бы в центральных зонах первых двух миров может царить состояние мира. В сущности, именно утрату этой иллюзии ощутили американцы 11 сентября, и тем объясняется всеобщий шок.

Не думаю, что на нашем шаре, где человеки человекам волки, можно будет достичь всеохватного мира. Оттого Фукуяма возвестил «конец истории»³⁹. Но недавние события, опровергая Фукуяму, показали, что история не кончается, а продолжается в виде конфликтов.

Локальные замирения

Если всеобщий мир – результат войны, и чем разрушительней война, чем неспособнее она решить те проблемы,

³⁹ Фрэнсис Фукуяма (р. 1952) – американский политолог, бывший заместитель директора Штаба планирования политики при Государственном департаменте США, автор бестселлера «Конец истории и последний человек» (*The End of History and the Last Man*, 1992); отправные пункты «конца истории» – это «холодная война» и распад СССР; под «концом истории» подразумевается победа либерализма над авторитаризмом.

которые ее породили, тем недостижимее мир, — что остается тому, кто верит, что за мир надо бороться, что он не наследство, даруемое божией благодатью?

Остается строительство мира не сплошного, а крапчатого — выгораживание островков мира на бескрайней периферии, охваченной праправойнами, которые будут сменять друг друга — одна за другой, одна за другой.

Если всеобщий мир — всегда плод войны, локальный мир может быть плодом прекращения войны. За локальный мир не обязательно вести «последний бой». Локальный мир устанавливается, когда на фоне усталости дерущихся некий Переговорщик предлагает себя в посредники. Условие для посредничества — чтобы праправойна была маргинальной и длящейся давно, то есть чтобы массмедиа уже утратили к этой войне интерес и стороны могли соглашаться на компромиссы, не позоря себя в глазах международного общественного мнения. Периферийность конфликта и короткая память массмедиа — самые благоприятные условия для мирового посредника. Никакое посредничество и никакие переговоры не могут в наше время устранить конфликтность в центре системы, по той причине, что это не зависит от воли правительства. Поэтому нереальна программа мира для неовойн третьей стадии. Реальна программа мира только для праправойн, которые неовойной порождаются.

Эти локальные замирения позволяют выпустить пар и разрядить в долговременном масштабе напряженность, веду-

щую к перманентной неовойне. Это значит (хотя любой пример мешает воспринимать идею как гибкую и применимую к самым разнообразным ситуациям), что, установись сейчас в Иерусалиме мир, он, безусловно, поспособствовал бы разрядке напряженности во всем эпицентре планетарной неовойны.

Но даже если не всегда достигим подобный результат, мини-мир, напоминающий маленький пузырик на общей кривой энтропии, этот мини-мир – пусть он и не главная цель и даже не этап на пути к главной цели – все равно послужит примером и моделью.

Замирение как модель. Да, я согласен, идея очень христианская, но эту идею приняли бы и языческие философы. Пусть замирятся хоть двое, хоть одни Монтекки с одними Капулетти. Это не разрешит проблем насущного мира, но покажет: проявление доброй воли даже в наши времена возможно. Оно возможно всегда.

Работа по сокращению локальных конфликтов нужна, чтобы заставить верить: разрешимы и конфликты глобальные. Это, конечно, прекраснодушие, но иногда примеры – лучшая благая ложь. Плохо лжет тот, кто говорит ложь, а хорошо лжет тот, кто подает благой пример и побуждает и других поступать во благо, пусть даже и заставляя ошибочно верить, что частная посылка (из p следует q) разовьется в общий закон (из p всегда следует q).

Потому-то этика и риторика – не формальная логика.

Единственная наша надежда – работать на локальные зами-
рения.

Любить Америку, но и устраивать марши мира⁴⁰

Зло порождает зло. Главная цель всякого террористического акта и движения – дестабилизировать лагерь противников. «Дестабилизировать» означает довести противников до ошаления, чтоб они потеряли спокойствие и начали подозревать друг друга во всем на свете. Ни правому, ни левому терроризму в конечном счете не удалось дестабилизировать нашу Италию. Поэтому оба терроризма у нас потерпели фиаско, хотя бы на стадии первого, самого устрашающего приступа. Но тогда все разыгрывалось в провинциальном, не в планетарном масштабе.

Терроризм бен Ладена (то есть той широкой фасции фундаментализма, которую бен Ладен представляет) более изворотлив, всеобъемлющ, успешен. 11 сентября 2001 года бен Ладен сумел дестабилизировать западный мир. Он сумел вызвать к жизни призраки древних распрей. Мир тут же вспомнил о борьбе цивилизаций, религиозных войнах, противостоянии континентов.

Затем бен Ладен пошел дальше. Вбив клин между западным миром и третьим миром, он взялся за западный мир и стал раскалывать его изнутри. Он действительно сумел вы-

⁴⁰ *Amare l' America e marciare per la pace.* La Repubblica, февраль 2003 г.

звать разногласия – если не военные, то, безусловно, моральные и психологические – между Америкой и Европой, а также посеять ростки розни в самой Европе. Вдруг пробудился подспудный антиамериканизм французов, и – кто бы мог поверить? – в Америке снова зазвучала обидная кличка «лягушатники», оскорбление французов, как в старинные времена.

Чтоб не расшатывались нервы, прежде всего нам надо помнить, что эти трещины пролегли не между американцами и немцами, не между французами и англичанами. И на том берегу Атлантики, и на другом есть множество людей, выступающих за мир. Следует помнить, что и формула «американцы предпочитают войну», и формула «итальянцы предпочитают мир» равно безапелляционны и равно не соответствуют действительности. Согласно формальной логике, если хотя бы один обитатель земного шара терпеть не может свою мать, значит, утверждение «все любят своих матерей» неверно. Можно говорить только «некоторые любят своих матерей». Конечно, слово «некоторые» не обязательно означает «немногие». Бывает, что слово «некоторые» покрывает 99,9%.

Но даже и 99,9% не означает «все». Это все-таки «некоторые». Очень редко когда применимо категорическое местоимение «все». Разве что в знаменитой максиме о том, что «люди смертны». На сегодняшний день ее еще не опроверг никто. Даже те двое, о которых принято считать, что они вос-

кресли, Иисус и Лазарь, перед тем как воскреснуть, однако, умирали, а следовательно, через жерло смерти прошли и они.

Сделаем вывод, что в распрях по вопросу «воевать – не воевать» участвуют не «все» с одной стороны против «всех» с другой стороны, а лишь «некоторые» с каждой из двух (трех, четырех, пяти) сторон против таких же «некоторых».

Подобные уточнения отдают крючкотворством, но без оговорок рискуешь сойти за экстремиста.

Увы, в исконной, кровной, хотя пока не кровавой атмосфере этих распрей все время раздаются высказывания явно расистского толка, типа: «Все, кто опасается войны, – споспешники Саддама», или «Все, кто считает приемлемым силовое решение конфликтов, – фашисты».

Предлагаю порассуждать.

Один английский критик недавно опубликовал рецензию – вполне благожелательную – на мою книжку «Пять эссе на темы этики», которую выпустили в Англии. Но, дойдя до моего утверждения, что война должна быть полностью табуирована, этот критик саркастически вставил в скобках: «Вот думаю, как убедить в этом бывших узников Освенцима». Он имел в виду, что если бы война была табу для всех, то Гитлера бы не победили, а евреев из лагерей (к сожалению, не «всех» евреев, а «некоторых») так бы и не выпустили.

Ну, это все-таки мне кажется довольно натянутой придиркой. Я, к примеру, утверждаю, что убийство для меня мо-

рально неприемлемо и что я мечтаю прожить всю жизнь, не убивши никого. Но все-таки если вооруженный субъект ворвется ко мне в дом и станет угрожать ножом мне или моим близким, я применю все доступное мне насилие, дабы остановить его. Тем более на войне. Война – криминал. Гитлер был преступником, развязавшим мировую войну. Когда после этого союзники ему ответили, то есть когда они ответили насилием на насилие, они, разумеется, сделали все правильно, потому что надо было спасти человечество от варваров. Чем не отменяется, что Вторая мировая война была совершенно бесчеловечной, она унесла пятьдесят пять миллионов жизней и было бы лучше, если бы Гитлер ее не развязывал.

Менее парадоксальное возражение звучит так: «Вот вы только что признали, что Соединенные Штаты правильно вступили в войну, спасая Европу, – американцы тем самым не допустили, чтобы фашисты понастроили концентрационных лагерей еще и в Ливерпуле или в Марселе». Да, отвечаю я, еще бы. Как не признать. Они прекрасно сделали, союзники, и я не могу забыть – мне было тринадцать лет, я побежал встречать первый взвод американцев-освободителей (они были еще вдобавок и чернокожие), вступавший в городишко, куда нашу семью эвакуировали от бомбежек. Я ментально сдружился с ефрейтором Джозефом, он дал мне первую в жизни жвачку и первые комиксы с Диком Трэйси. Однако после этого ответа мне тут же задают следующий вопрос: «Хорошо, значит, прекрасно сделали американцы, что

задушили в колыбели немецкую и итальянскую фашистские диктатуры?»

Ну, тут я должен возразить по многим пунктам. Ни американцы, ни англичане с французами не душили нацистскую и фашистскую диктатуры в колыбели. Итальянский фашизм они старались унимать и усовещивать, при этом с ним вполне водились, как с посредником, вплоть до начала 1940 года. Англия и Америка применили кое-какие демонстративные санкции против итальянского фашизма, но этим ограничились. Что до Германии, то и германскому нацизму они тоже позволили разрастись и окрепнуть. США вступили в войну после того, как японцы атаковали Пёрл-Харбор, и напоминая заодно, что это Германия с Италией, вслед за Японией, объявили американцам войну, а вовсе не американцы им (я сознаю, что кое-кому из молодых читателей это покажется анекдотом, но дело было именно так).

Соединенные Штаты выжидали, не ввязывались в кошмарную войну, хотя моральное напряжение, подталкивавшее их ввязаться, было огромным. Они удерживались из осторожности, из опасения, что еще не готовы, а также потому, что и в самой Америке имелись некоторые (и вдобавок известные) люди, симпатизировавшие нацизму, и Рузвельту пришлось проделать очень тонкую работу, чтобы вовлечь народные массы в этот поход.

Плохо ли со стороны Франции и Англии было выжидать, уповая, что немецкая экспансия ограничится оккупа-

цией Чехословакии? Вероятно, плохо. Немало насмешек выпало на долю Чемберлена, который отчаянно юлил, пытаясь сохранить мир. Это доказывает, что осторожность бывает чрезмерной. Но это и пример того, как любимыми доступными способами люди пытаются сохранить мир. В конце концов дело зашло настолько далеко, что уж никто ни в чем не сомневался. Никто не сомневался, что именно Гитлер является зачинщиком войны и именно на нем лежит за эту войну ответственность.

Поэтому я нахожу несправедливым размещенную на первой странице американской газеты подпись под фотографией военного кладбища. Сняты могилы американских солдат, сказано, что они отдали жизни за спасение Франции (святая правда), а под фото написано, что якобы теперь французы напрочь забыли все это.

Франция, Германия и все те, кто считает неправомерной упреждающую войну – войну поспешную и направленную только против одного Ирака, – ничего не забыли. Кроме того, Франция и Германия отнюдь не отказывают в поддержке Соединенным Штатам как стране, которую, можно сказать, со всех сторон обложили международные террористы. Но в то же время Франция с Германией считают, как считают и многие здравомыслящие частные лица, что нападение на Ирак не обезглавит терроризм, а вероятно (думаю даже, что бесспорно), его усилит, приведя в ряды террористических групп многих из тех, кто пока что еще находится в за-

мешательстве и осторожно выжидает. Они учитывают, что международный терроризм вербует сторонников из тех, кто живет в США и в европейских странах, что вовсе не в иракском банке лежат на счетах деньги террористов, что террористы имеют возможность получать оружие, как обычное, так и химическое, из разнообразных третьих стран.

Представьте себе: когда готовилась высадка союзников в Нормандии, Шарль де Голль вдруг уперся бы и, исходя из размещения французского контингента в африканских колониях, потребовал бы проводить десант не на побережье Нормандии, а на Лазурном берегу. Американцы с англичанами, по всей вероятности, постарались бы переубедить его и выдвинули бы многочисленные соображения: что немцы все еще контролируют берега Италии и Тирренское море, по крайней мере Генуэзский залив; что при высадке на севере Франции Англия обеспечит для десанта безопасный тыл; что лучше ввозить войска для высадки по Ла-Маншу, а не переправлять через все Средиземное море.

Можно бы было сказать в подобной ситуации, что США вонзили Франции нож в спину? Нет, нельзя. Речь могла бы идти только о стратегических несогласиях между спорящими. Я, например, уверен: высадка в Нормандии была оптимальным решением. В той ситуации союзники применили бы всемерные усилия, чтобы отговорить де Голля от бесполезной и опасной операции.

Иногда высказываются еще и моральные доводы в под-

держку военной оккупации Ирака силами США. Я слышал подобные доводы, в частности, от одного очень важного и очень достойного человека, известного своей многолетней работой в защиту мира. Он говорил: «Саддам – кошмарный диктатор, и люди стонут под его кровавым игом. Как не думать о несчастных иракцах?»

Надо, надо думать о несчастных иракцах. Но в такой же степени надо думать о несчастных северных корейцах, о бедных африканцах и азиатах, вынужденных существовать под игом местных тиранов, кого гнетут и давят правые диктатуры, установленные и подкармливаемые теми же США, предпочитающими видеть в Латинской Америке правых диктаторов, а не левых революционеров. Разве мы шли походом на СССР в целях освобождения бедных граждан России, Украины, Эстонии и Узбекистана, которых Сталин отправлял в лагеря? Нет, о таком походе не помышлял никто. Ибо если воевать со всеми диктаторами, то цена общей крови, учитывая количество как нормального, так и ядерного оружия, окажется чрезмерной. А поскольку политика всегда прагматична, даже когда она вдохновляется идеалами, все избирали не войну, а перетягивание каната, пытаясь добиться максимальных результатов и не употреблять бесчеловечных средств.

Это оптимальное поведение. Оптимальное, в частности, и потому, что, как мы видим, западным демократиям в результате удалось избавиться от советской диктатуры без всяких

атомных взрывов. Потребовалось выждать. Кое-кто в ходе этого выжидания был уничтожен. Но несколько сотен миллионов вероятных мертвецов мертвецами не стали, а продолжили жить и радоваться жизни.

Таковы мои соображения. Их немного, но, мне кажется, их достаточно, чтобы сделать вывод, что в нашей ситуации не следует (именно потому что ситуация тяжелая) делать резких движений, размежевываться и выкрикивать: «Раз ты так думаешь, ты мне не друг!» Ведь это тоже было бы фундаментализмом.

Любить американские традиции, американский народ, американскую культуру, относиться с уважением к стране, заслужившей титул самой сильной на свете державы. Сочувствовать боли этого народа, скорбеть о трагедии 2001 года. Но при этом не бояться убеждать американцев, что их правительство ошибается. С нашей стороны это не предательство, а высказывание несогласия. Если его нельзя высказывать, значит, нарушается право людей и наций на несогласие. А это прямо противоположно урокам, которые мы получили в 1945 году, после фашистской диктатуры, от американцев-освободителей.

Сценарий для Европы⁴¹

Эту статью придумал не я. Недавно Юрген Хабермас обратился к нескольким коллегам из различных европейских стран с предложением, чтобы все опубликовали одновременно, в один и тот же день, в соответствующих крупных национальных газетах программную статью. Мне известны кое-какие идеи Хабермаса из его электронных писем, но в данный момент, когда я пишу, я не знаю в точности, что скажет Хабермас в своей газете, что скажет Жак Деррида в статье, предназначенной одновременно в газеты «Франкфуртер Альгемайне» и «Либерасьон», что скажут Фернандо Саватер в «Паис», Джанни Ваттимо в «Стампа», Адольф Мушг в статье для «Нойе Цюрхер Цайтунг», Ричард Рорти⁴² в своей

⁴¹ *Prospettive per l'Europa*. La Repubblica, май 2003 г.

⁴² *Юрген Хабермас* (р. 1929) – немецкий философ Франкфуртской школы, ученик Теодора Адорно. Призывал завершить работу, начатую просветителями XVIII века, и рассматривать абстрактные идеи с точки зрения человечности. *Жак Деррида* (1930—2004) – французский философ и лингвист, основатель деконструктивизма – философской школы, подвергшей пересмотру принципы анализа текстов. Центральная его концепция – *diff é rence*, то есть дистанция между означающим и означаемым, приводящая к «деконструкции» текстов в поисках все новых означаемых. *Фернандо Саватер* (р. 1947) – баскский философ и писатель, профессор этики в Университете Басконии. Активно выступает против террористических действий баскских боевиков. *Джанни Ваттимо* (р. 1936) – итальянский философ, с 1999 г. – депутат Европейского парламента от блока левых демократов, профессор теоретической философии в Университете Турина, журналист. Представитель так называемой «слабой мысли», отрицающей воз-

колонке спецкора для «Зюддойче Цайтунг». Может статься, мнения будут разными и возникнет полемика. В любом случае Хабермас просил нас как друзей и коллег высказаться, чтобы мировая общественность узнала и оценила взгляды некоторых европейцев на нынешнее положение в Европейском союзе. Тем самым Хабермас планировал побудить к каким-то решениям правительства всех стран, а также правительство той общности, которая сформировалась – то есть, уточню, формируется, но еще пока сформировалась не вполне – под именем Единой Европы.

Похоже, сейчас наиболее неподходящий момент для гадания о будущем объединенной Европы. Страны Европы заняли настолько несходные позиции по вопросу иракского конфликта, что это доказало: Европа все еще не едина. Вхождение в Евросоюз стран Восточной Европы приведет к тому, что старые демократии, готовые отчасти поступиться национальным суверенитетом, и демократии молодые, цель которых – усилить национальную доминанту в своих новообразованных правительствах, пусть даже ценой поиска союзников за пределами Европы, окажутся в едином доме.

возможность обретения абсолютного знания и отвергающей все философские учения (от просветительства до марксизма), претендующие на однозначную интерпретацию бытия. *Адольф Мушг* (р. 1934) – швейцарский писатель и литературовед, автор иронической прозы. *Ричард Рорти* (р. 1931) – американский философ-прагматист, прозванный «философом конца философии» за полемические статьи против традиционных школ мышления. Применяет свою философскую логику, в частности, к разбору литературы с точки зрения ее функциональности. Анализирует произведения Дж. Оруэлла, В. Набокова.

В настоящий момент вроде и существует европейское самосознание и европейское самоопределение, и в то же время следует сказать, что некоторые события подрывают европейское единство.

Возьмем ту же тему, которую, я знаю, собирается разрабатывать и Хабермас. Рассмотрим основные компоненты так называемой западной ментальности: греческий и иудео-христианский фундамент; идеи свободы и равенства, завещанные нам Французской революцией; багаж современной науки, у истоков которой стояли Коперник, Галилей, Кеплер, Декарт и Фрэнсис Бэкон; капиталистическую форму производства; отделение церкви от государства; римское право или *Common Law*⁴³; и самое понятие справедливости, утверждающей себя через классовую борьбу. Все это результаты идейной работы европейского Запада. Список, конечно, не полон. Да и идеи эти ныне принадлежат отнюдь не только Европе. Они привились, распространились и расцвели и в Америке, и в Австралии, и частично – в Азии и в Африке. Поэтому, безусловно, говоря о западной цивилизации, мы подразумеваем цивилизацию, отождествляющую себя с той моделью, которая в процессе глобализации получила главенство над всем миром.

Но повторим опять: не одни европейцы отождествляют

⁴³ Общее право (*англ.*) – система права во многих англоязычных странах, отводящая прецедентам и традициям равную, если не более значительную роль, нежели нормам и законам.

себя с этой моделью.

Внутри же этой западной цивилизации мы все ощутимее чувствуем особость Европы. Возможно, этого ощущения у нас нет, когда мы, европейцы, ездим в другие европейские страны, поскольку мы обращаем внимание прежде всего на отличия. Но ведь отличия наблюдает и миланец, попавший в Палермо, и калабриец в Турине. Однако при первом же контакте европейца с неевропейской культурой, в том числе с американской, в нем обостряется чувство «европейскости». В поездке, на конгрессе, с друзьями из разных стран, в путешествиях явственно проявляется нечто объединяющее (сходные воззрения, сходное поведение, сходные вкусы): мы роднее с французом, испанцем или немцем, нежели с теми, кто не из Европы.

Министр образования Франции, философ Люк Ферри, в декабре 2002 года в своем вступительном слове на парижском Конгрессе борцов за мир отмечал (никакой новизны, разумеется, в его наблюдении не было, но имелся интересный драматизм в подаче текста), что ни один француз не может сейчас вообразить войну с соседями – например, войну с немцами. Как, разумеется, и англичанин – войну с Италией, или испанец – нападение на Фландрию. А ведь мы помним, что война с соседями как форма решения всех конфликтов и междоусобиц две тысячи лет была обычным делом для Европы. Ныне имеет место новая историческая ситуация, которую невозможно было вообразить всего только полвека на-

зад. Эта ситуация, допустим даже, не всегда четко формулируется в нашем сознании, однако ею определяется наше поведение. Поведение всех рядовых европейцев: жители Европы едут в отпуск, спокойно пересекая те самые границы, которые их отцы штурмовали с винтовкой в руках.

По тысяче причин француз до сих пор чувствует себя отличным от немца, но оба они – наследники древнего общего опыта, сформировавшего и ту и другую нацию. У нас в совместном багаже – идея благосостояния, достигнутого благодаря профсоюзам, а не благодаря гомеостазу индивидуалистской этики, основанной на личном успехе. Мы все пережили провал колониальной политики и распад империй. Мы все пережили под диктатурами, умеем распознавать их в зачатке, и, может быть, потому мы (многие из нас) вакцинированы от диктатур.

Нам всем известно, что такое война в своем доме, что такое прямая угроза жизни. Я даже рискну сказать, что если бы два самолета воткнулись в Нотр-Дам или Биг-Бен, это вызвало бы, разумеется, отчаяние, испуг, гнев и ужас, но вряд ли – такой ступор и такую реакцию (депрессивный синдром в сочетании с инстинктом немедленного мщения), какие мы наблюдали у американцев, впервые получивших удар на своей собственной территории.

В общем, у европейцев имеется немало общих качеств, общих опытов, радостей, печалей, общая гордость, общий стыд, общие традиции и общая совесть. Каждая европейская

страна некогда жила в симбиозе с каким-то регионом Африки или Азии, обменивалась чем-то с этим регионом, конфликтовала с ним и находилась от него не так уж далеко, не за океаном, во всяком случае.

Достаточно этого, чтобы и впрямь объединить Европу? Явно недостаточно. Мы это наблюдаем каждый день. Невзирая ни на общую валюту, ни на тот факт, что разные страны хотят примкнуть к этому нашему союзу и готовы поступиться многим, лишь бы их взяли в Европу. Многим, но не всем, и при единстве вызревают новые конфликты: например, разность точек зрения по вопросу об иракской войне.

Однако единство, которое Европа не умеет обрести в себе самой, навязывается ей извне объективной эволюцией событий. Покуда шла «холодная война», страны Европы, растасованные после Второй мировой войны между западным и восточным блоками, были вынуждены существовать в тени какой-либо из двух великих держав: или Соединенных Штатов, или Советского Союза. И СССР и США реализовывали в Европе свои идейные программы.

Китай тогда не просматривался. Китай для США не представлял непосредственной угрозы. Китай представлял собой угрозу лишь в стратегическом будущем, а в тот период Китай был полностью занят борьбой за внутреннюю стабильность и пребывал в открытой конфронтации не с американцами, а с русскими. Американцы спокойно стерпели застой в Корее и поражение во Вьетнаме, поскольку главную игру они вели

в Европе, и эту войну американцы выиграли: в конце концов советская империя распалась.

Втянутые в игру более сильных игроков, европейские нации строили свою внешнюю политику по модели одного из блоков, с которыми они себя отождествляли, живя под военным протекторатом либо НАТО, либо Варшавского договора.

Этот пейзаж переменялся, как только пала Берлинская стена. А теперь окончательно прорисовалась утрата интереса американцев к Европе. В недавние годы, когда стало видно, до чего вяло американцы относятся к балканскому вопросу. Враг, побиваемый в течение полувека, пал. США обнаружили, что главный враг теперь у них другой. Позиционирование этого нового врага нечетко, но безусловно – он угнезден где-то в недрах мусульманского, ближневосточного и дальневосточного мира, против этого недруга США направляют свою военную мощь – против Кабула, против Багдада, и, может быть, не только против них. Этот новый военный поход побудил американцев даже передислоцировать свои военные базы. То есть американцы перестали видеть в НАТО надежную опору (потому что, помимо всего прочего, выяснилось: европейские страны по историческим и географическим причинам имеют с арабским миром отношения, кое в чем диссонирующие с американскими интересами).

Тем временем стало ясно, что главная конфронтация, уготованная Соединенным Штатам, – это грядущая конфронта-

ция с Китаем. Не обязательно она будет военной. Но она обязательно охватит и экономику, и демографию. Достаточно прийти в США в любой университет, чтобы увидеть, до какой степени стипендии, аспирантские ставки и лидирующие позиции уже сейчас в руках азиатских студентов (не знаю, в генах ли дело или в том, что и по воспитанию эти азиатские студенты гораздо охотнее своих европейских сверстников готовы вкалывать по восемнадцать часов в сутки, дабы выдвинуться на самое высокое место). Американская наука развивается все больше благодаря импортированию не европейских, а азиатских мозгов, мозгов из Индии, Японии и Китая.

Это значит, что все внимание американцев перемещается от Атлантики на тихоокеанские регионы. И точно: вот уже много лет крупнейшие производственные и научно-исследовательские центры переселяются или наново строятся в Калифорнии. Когда-нибудь в будущем Нью-Йорк станет чем-то вроде американской Флоренции, станет заповедником моды, искусства и культуры, но отнюдь не местом принятия первостепенных решений.

Америка смотрит все меньше на Атлантику, все больше — на Тихий океан. В двадцатые годы WASP не сводили глаз с Парижа, а теперь новые американцы из заслуженных и важных проживают в штатах, куда вообще не поступает «Нью-Йорк таймс» (главная атлантическая газета) или поступает с опозданием на целые сутки, и только в редкие привилеги-

рованные киоски. Этими новыми американцами скоро заселятся области, в которых о Европе будут знать совсем мало, а если что и будут узнавать, то не сумеют уяснить причин событий, которые происходят на том дальнем экзотическом континенте, гораздо менее понятном для Америки, нежели Япония или Гавайи.

Когда Америка перенесет свое усиленное внимание на Ближний Восток и на огромный Тихоокеанский регион, Европа потеряет свое значение в мире. Как ни крути, самым страстным американофилам уже и сейчас ясно, что не станут американцы днем и ночью заботиться о чужом континенте, пусть даже это была родина их предков (да и то не для всех американцев; мало ли их носит фамилии Перес и Чун Ли). Вдобавок европейскому континенту уже не грозят ни гусеницы гитлеровских танков, ни советские казаки, скакавшие поить коней ватиканской святой водой.

Поэтому Европа окажется в изоляции самую силой вещей (как говорил Гегель: все происходит так, как того требует действительность, а действительность разумна). И тогда Европа либо станет единой, либо распадется.

Гипотеза распада, я думаю, не слишком реалистична, но все-таки обсудим этот сценарий. Допустим, Европа повторит судьбу или Балкан, или Южной Америки. Новые сверхдержавы (возможно, в отдаленном будущем Китай, если он займет место США) примутся вертеть несильными европейскими странами по своему усмотрению – тем самым укреп-

ляя свое положение в качестве сверхдержав. Им может быть удобно размещать свои военные базы в Польше или Гибралтаре, в Хельсинки или Таллине – близко к полярным воздушным коридорам. Чем разобщеннее станет Европа, чем менее конкурентоспособным будет евро на мировых валютных рынках, тем для США и Китая лучше. И невозможно вменить в вину сверхдержавам, что они заботятся прежде всего о собственных интересах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.